

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

ЗЕМЛЯ ИМЕЕТ
ФОРМУ
ЧЕМОДАНА

Владимир Викторович Орлов

Земля имеет форму чемодана

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495374

Орлов, В. В. Земля имеет форму чемодана: [роман] : АСТ; Москва;

2013

ISBN 978-5-17-082202-7

Аннотация

Причудливый и остроумный, фантасмагорический и совершенно нереальный, овеваемый мистическим холодком потустороннего, новый роман классика современной литературы Владимира Орлова заставляет увидеть окружающую нас привычную обыденность иными глазами. «Земля имеет форму чемодана» – своего рода приглашение в яркий феерический мир, полный необычных загадок и неожиданных решений. Книга по праву пополнит коллекцию почитателей таланта знаменитого писателя!

Содержание

1	5
2	8
3	9
4	11
5	12
6	14
7	16
8	19
9	21
10	24
11	28
12	30
13	33
14	34
15	36
16	39
17	41
18	43
19	45
20	47
21	49
22	52
23	55

24	57
25	59
26	61
27	62
28	64
29	67
30	71
31	74
32	77
33	80
34	84
35	87
36	90
37	94
38	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Владимир Орлов

Земля имеет форму чемодана

1

Евгений Куропёлкин служил в Москве стриптизёром, звался Эженом, жил сытно, с уважением к самому себе, стряхивал с белёсых усов крошки осетрины и капли крепких коктейлей, но хозяин ночного клуба «Прапорщики в грибных местах» Верчунов был им недоволен и грозил уволить. Правда, слов «под зад коленом» он пока не произносил, и это Куропёлкина отчасти обнадеживало.

Однако при всей своей беспечности и сквозняках в извилинах Куропёлкин вынужден был соображать. А куда ему в случае «Под зад коленом!» пришлось бы деваться? Происходил он со станции Волокушка Архангельской губернии. Наверное, что-то волокли куда-то, пока всё не уволокли. Делать балбесу в поселении со льнозаводом и пекарней было нечего, и он шестнадцати лет попёрся в Котлас, промцентр, да ещё и с двумя городишками рядом – Коряжмой (там – лесопилни) и Сольвычегодском (Строгановская старина, будто бы и Грозный царь заезжал, музей, культура, две дивные

церкви, в виду них при тихих всплесках Вычегды в сухие дни Куропёлкин любил полёживать в играх воображений...). А в Котласе (до флотских макарон и клёшей, сначала в корабельном городе Большой Камень – Тихий океан, а потом и в других бухтах) сладости жизни баловали Куропёлкина футбольным полем, пусть и вытоптаным, и влажными гудами возбуждённых свежей травой юных необходимостей с их требовательными задами (хорошо, хоть ни одна не залетела, аккуратные выросли, впрочем, если бы хоть одна залетела, всё бы проще было...). Но особую отраду давали Куропёлкину занятия в гимнастическом кружке. В ту пору Куропёлкин обучался на пожарника, а при их училище имелся крытый спортивный зал. Гимнастические снаряды были, правда, старые, на них нередко калечились, но Куропёлкину и без брусьев, колец и коня была мила чистая акробатика, не хватало, пожалуй, батутной сетки. Вот бы уж он натешился, напрыгался, накувыркался и полетал бы! Но его отвезли на флот.

Все флотские – здоровяки. К этому обязывают брюки клёш и макароны. А Куропёлкин усердствовал и на гимнастических занятиях, добрался до кандидата в мастера по акробатике. И ему во флотские праздники поручали место «Нижнего» в Пирамидах (молодые о них слыхом не слыхали), он поддерживал – идиотом – легковесных, тех, кто стоял наверху и размахивал сигнальными флажками.

И что примечательно, имел возможность посещать биб-

блиотеки и продолжать культурно-просветительское плавание.

Но вот после дембиля в компаниях пожарных Куропёлкин заскучал.

Одно тут понятно: быстрая смена стихий. Вода и Огонь.

Хотя, по правде, смена эта и не вышла стремительно-быстрой. Куропёлкин позволил себе после дембиля неспешные хождения по земле с намерением испытать себя и увидеть дальние сути России.

А вернувшись в пожарные, он не только заскучал, но и захандрил.

Хандрил он и перебравшись из Котласа в Москву, с целью обретения здесь светлого, пусть и с пробками, житейского пути. Готов был водить по дорогам, украшенным неуравновешенными блондинками при штурвалах, хотя бы «Ниссан». При этом с дураками трудностей не вышло бы, дураки, они создают правила и приёмы движения, и в их автопробегах по Москве передвигаться одно удовольствие. Но ни у блондинок, ни у крашенных Куропёлкин не вызвал порыва подарить ему не то что бы «Ниссан», но и потрёпанный мопед. Участвовать в тушении торфяников, взбудораженных энергией инженера Классона в разгар революционных фантазий, ему надоело. Прежде всего надоели исполнители высочайших распоряжений, появлявшиеся со своими дилетантскими глупостями на день-на два (а потом ходившие героями Оборона Москвы от пожаров, почти что наполеоновских). И Куропёлкин ушёл в грузчики.

Мешки с цементом, шпалы, пропитанные гнусным креозотом, недолго натруждали мышцы крепыща Куропёлкина, потому как произошёл Счастливый случай.

То есть показалось вдруг, что он Счастливый.

Случай этот произошёл в банях, то ли Рижских, то ли Ржевских. Бани эти, именно то ли – (дипломатик-политес) Рижские (вокзал рядом), то ли Ржевские (вокзал прежде назывался Ржевским и служил Ржевско-Виндавской железной дороге), были мне, жителю одного из соседних коммунальных домов без горячей воды и гигиенических удобств, уютно знакомы тридцать два года. На первом этаже со вторыми десятикопеечными разрядами они были грязны и вонючи, в войну и после неё служили санпропускником, и пацанам, залезавшим на сугробы в надежде увидеть женщин с их тайнами, попадались на глаза лишь тощие солдатские зады. На втором же этаже – Первый разряд, чистые простыни, пиво в разлив из рук татар-пространщиков, сущий Баден-Баден! – имелась довольно неплохая парная. Пропарившись, Куропёлкин опустился в глубины второго разряда и встал под холодный душ, промыл глаза и заметил, что возле его кабинки вертится некий любопытствующий гусь. Интерес к Куропёлкину (или к особенностям его тела) он не скрывал.

– Что тебе надо? – грубо сказал Куропёлкин.

– Мужик, – быстро заговорил любопытствующий. – Не подумай про меня дурного. Я агент по трудоустройству. Ты кем сейчас деньги добываешь?

– Грузчиком.

– И сколько в месяц?

– Хватает! – рассердился Куропёлкин.

– Ты не злишь! – разулыбался агент. – Тысяч тридцать. Не больше. А я тебя могу определить на место за сто тысяч.

– Это куда же? – высокомерно спросил Куропёлкин.

– Сейчас же, после бани, могу и отвести. Такой, как ты, срочно надобен.

И повёл Куропёлкина к Борису Антоновичу Верчунову, хозяину культурного центра, бывшего также ночным клубом с серьёзно-таинственным названием «Прапорщики в грибных местах» вольно-гимнастического направления. С танцами, кручениями вокруг шеста и со страстно-призывными освобождениями от одежд.

Нельзя сказать, что артистическое развитие Куропёлкина проходило успешно.

Хотя находились и у него поклонницы, и обещанные агентом деньги он получал. Правда, пока не все.

Но кому неизвестны нравы духовно-ценностных серпентариев? Хотя бы из программ «Ты не поверишь!». Тем более разбавленных присутствием бывших и ныне избалованно-удачливых прапорщиков. Да и отслужившие балетные и цирковые, мазавшие руки магнезией, были хороши! Собственно против новичка Куропёлкина Эжена они ничего не имели, но поспешили утвердить (или возвысить) свою (и так будто бы очевидную) незаурядность и уж точно успокоить себя, определив сущность Куропёлкина «Дубина дубиной». Да и держался Куропёлкин особняком. Старался не входить в спорные состояния с ветеранами клуба. На их ехидства, а порой и злые шутки, имея в виду тончайших свойств натуры прапорщиков и бывших звёзд кордебалета, грубостями не отвечал, а лишь стеснительно-добродушно улыбался. И уж совершенно укрепил мнение коллег об ущербности личности Куропёлкина случай с успешным исполнителем чувствительных номеров (стало быть, и богатеем) Звягельским. Звягельский одолевал кроссворд. Уже вывел в клеточках «кисель», «голавль», «перекос», «скатка» и прочее, но его оста-

новил вопрос: «Французский мыслитель эпохи Просвещения». Не только остановил, но и измучил. Довел до аллергического зуда кожи всего его прекрасного тела. И, похоже, вот-вот должен был произойти у него заворот кишок.

– Девять букв, в середине буква «ш»! – моля о соломинке, восклицал Звягельский.

Испуганное молчание было ему ответом.

Проходивший мимо Куропёлкин взглянул в кроссворд и произнёс небрежно:

– Ларошфуко.

Ларошфуко, бесспорно, удовлетворил составителей кроссворда, но имя, брошенное Куропёлкиным небрежно (а по сути – протест и вызов), для артистической составляющей клуба окончательно сделало его фигурой крезанутой и чуждой. Куропёлкина пытались даже подковыривать этим Ларошфуко, но прозвище не прилипло. То ли его не могли запомнить, то ли оно вызывало несомненный мистический страх.

Странно, но Эжен Куропёлкин не имел коммерческого успеха у милых клубно-ночных дам. То есть на него глядели. И всё. Странно, потому как фактурой своей Куропёлкин никому из артистов (танцоров, крутанов на шесте и др.) клуба не уступал. Ну, только если двум южанам и одному японцу, превосходство их и сам Куропёлкин признавал и завидовал им творческой белой завистью. Эти трое были в шерсти на груди и там, где зрительницам нравилось. Они словно были зашиты в шкуры хищных самцов и разумно позволяли дамам, в их с границами нравственности заведении, почёсывать им свои заросли. За это шерстяные вознаграждались бумажками иных валют (носили для них финансовые пояса на бёдрах), а иногда их приглашали и в гости. И по справедливости, а Куропёлкин и не роптал. Шерстяные и поручик Звягельский (такое присвоил Куропёлкин звание Звягельскому, хотя Звягельский ни в каких армиях не служил, а некогда блистал переплясами в хоре имени Пятницкого) были лицом клуба, истинными мачо. У самого же Куропёлкина на груди колесом ни волосинки, ни даже овсы не всходили. При этом Куропёлкин был одним из нескольких феноменов, которому позволялось (или от кого требовалось) доводить свой номер до решительного конца, то есть освобождать себя от всяческих тряпок и представлять перед публикой в виде антично-

го Дискобола. Фактура, оценённая агентом по трудоустройству в Ржевских банях, позволяла. Хозяин клуба Верчунов полагал, что жанр ночных видений при этом не нарушается, а перчинка, вот она, тут как тут.

Но ни бумажек (хотя они и бывали), ни поцелуев. А хотелось бы и того, и другого. Увы...

Может, сказались тут сплетни о Куропёлкине весело прикормленных коллег, нашёптывания ими изящным ушкам с пирсингами дури о якобы его изъянах или чуть ли не о болезнях, или сами дамы почувствовали его неуклюжесть в куртуазных общениях и определили его в «Дубину дубиной». Словом, – никаких приглашений в «Сопровождающие Кавалеры» или в ночные гости. Вершиной успеха был вызов «Мужчиной на час».

Уже тогда Куропёлкин жалел о том, что произнёс несчастное «Ларошфуко».

И себя жалел.

А хозяин Верчунов объявил, что он ему невыгоден и пусть ищет новую работу.

Однако под зад коленом почему-то не гнал.

А какую работу и где её нынче искать?

Возвращаться в Котлас, Сольвычегодск или в Коряжму?

Или даже в уродившую его Волокушку?

Известно, какими словами его бы встретили волокушские мальчишки, если они там ещё водятся:

«Грудь моряка, жопа старика!»

Или: «На побывку едет молодой моряк,

Грудь его в медалях, жопа в якорях!».

Но и медалей не было.

И как кормить отца-инвалида, мать и трёх мелких Куропёлкиных?

Лучше повеситься.

Однако не спешил мироед Верчунов...

А один из прапорщиков, неизбежно чуявший грибные места, с улыбкой закулисного интригана сообщил (подсказал) Куропёлкину, что на него шурится некая редкая, но известная в клубе дама глубоко-страстных лет, вот Верчунов и не спешит. При этом интриган подхихикнул.

А Куропёлкин и сам замечал (мельком), что на него, опуская очки к вздрагивающим ноздрям, а иногда и поднося к глазам бинокль, посматривает объёмная дама, будто бы откупившая столик у стены, при том её опекают два молодца в

брендовых костюмах «от кого-то». С молодцами дама не общалась, они лишь вминались рядом в стену, а она попивала мелкими глотками коньяк. Однажды дама подняла рюмку, как будто имея в виду его, Куропёлкина, а он только что совершил соскок кувырком в три оборота с турника (специально ввели в зрелище из-за способностей Куропёлкина), сумев на лету, но и с изяществом сбросить с себя последнюю тряпку, и раскланивался теперь перед публикой в природном телесном виде, а она очевидно улыбнулась ему, вызвав в Куропёлкине всплеск слюнявой, несообразной его судьбе фантазии.

«Но она ведь старуха!» – талой водой облил свои фантазии Куропёлкин.

В клубе она была известна как Купчиха и мадам Звонкова. Купчихой её прозвали не только из-за схожести (в размахе и линиях обнажённых плечей, в частности) с кустодиевскими любительницами чаепитий из блюдечек, но и из-за особенностей нарядов. Обслуживал мадам Звонкову самый награждённо-важный и самый юркий модельер страны. Проявляя любезность, Звонкова называла своего стилиста и портного (сам он не шил, шили его мастера) «Шустриком» и соглашалась носить изыски его творческих капризов. Ходили слухи, что Шустрик, используя нанотехнологии, одарил Звонкову нижним бельём с подогревом, а оно вышло в цену обмундирования батальона мотопехоты. Но Купчихой Звонкова не была, то есть иногда ей приходилось бывать и купчихой...

Однако интересоваться, как и в каких отраслях Звонкова заработала и зарабатывает свои миллиарды, было бы дурным тоном. Журнал «Форбс» знает, наверное. И достаточно.

Вечером, часа через два после якобы запечатлённой им улыбки Купчихи, невыгодный Куропёлкин был вызван в кабинет Верчунова. В кресле сидела мадам Звонкова, курила сигару.

– Вот-с, Нина Аркадьевна, – выгнулся перед Звонковой то ли приказчиком, то ли половым (полотенце бы ему на руку), – наш Евгений Куропёлкин собственной персоной.

– Спасибо. – Звонкова встала, подошла к Куропёлкину, прощупала его бицепсы, попросила показать зубы, зачем-то достала рулетку, измерила высоту лба, длину губ и ушей Куропёлкина, произнесла:

– Беру! Доставьте завтра.

И удалилась.

Странно, что не распорядилась:

– Заверните!

Возможно, не смотрела утопию с изобилиями из жизни кубанских казаков.

Поначалу Куропёлкин обрадовался. И даже заважничал. Но потом намёки и подколы коллег-артистов и обстоятельства доставки его в пейзажное хозяйство (поместье) Звонковой Куропёлкина встревожили. И даже обдали страхом. Хозяин клуба Верчунов Куропёлкина поздравлял, но в глазах его было ехидство сострадания. «А что же меня-то не спросили? – будто бы возмутился Куропёлкин. – Я что, содержант, что ли, теперь? Или крепостной?» «Ты передан госпоже Звонковой в аренду», – успокоил его Верчунов. «На правах свободного агента, на манер хоккея или футбола!» – вставил оказавшийся рядом Поручик Звягельский. Плясун, было известно, следил за спортивными новостями. «И сколько же вам заплачено за свободного агента?» – строго спросил Куропёлкин. «Коммерческая тайна!» – нахмурился Верчунов. «А мне что?» «Спроси у Звонковой!» – сказал Верчунов и гнусно рассмеялся. «Спрошу, – пообещал Куропёлкин. – А где мой-то расчётный гонорар за службу в Прапорщиках и в грибных местах?» «Спасибо, что напомнил. А то я бы...» – вздохнул Верчунов. – Сейчас отыщем...» И была найдена в сейфе пачка денег в целлофановой упаковке. «Распишись!» Куропёлкин расписался и рассмотрел витринную бумажку. – Это же не рубли! – вскричал он. – И не евро с долларами! – Ну и что? – возрадовался Верчунов. – Это песо! Других

денег у нас сейчас нет. И чем песо хуже рубля?

– А что я пошлю родичам в Волокушку? На что они будут кормиться? – всё ещё кричал Куропёлкин.

– Не хочешь песо, не бери! – рассердился Верчунов. – Тебя у Звонковой будут посыпать золотом. Надоест отсылать в Волокушку слитки.

Сверкая блеском стали, как подмечено в боевых песнях, Куропёлкин двинулся на мироеда Верчунова.

Но тут было доложено, что в клуб прибыл представитель госпожи Звонковой Трескучий-Морозов с поручением.

– Полчаса на сборы! – распорядился возвращавшийся к рублёвой жизни мироед и кровосос Верчунов.

Понятно, что полчаса на сборы превратились в час по-шшка. Диктатор Верчунов, перекормленный ценой, уплаченной Звонковой за аренду свободного артиста Куропёлкина, не имел сил препятствовать излияниям чувств творческого коллектива. Он понимал, что произойдёт завтра, и был готов сейчас же бежать на Соломоновы острова и там зарыться в песок до первого землетрясения. Но от Купчихи Звонковой и её сундуков со золотом бежать было бесполезно.

Артисты же пили в помещении за сценой. Куропёлкина не поздравляли, и были скорее не весёлыми, а мрачными, будто бы сами себя пригласили на поминки коллеги. Тогда в присутствии Куропёлкина и было впервые произнесено слово «Люк». Балерун по прозвищу Стружкин (голова в белых бараньих завитках) похлопал Куропёлкина по плечу, сказал: «Ну, ты, Коряжма (а Куропёлкин рассказывал в клубе о Котласе и Коряжме), молодец, пошёл на такой подвиг! Прилично получают твои родичи! Что определено в контракте?» «Я не видел контракт и не подписывал его», – заявил Куропёлкин. «Ну и беги сейчас же, куда – неважно! – горячо воскликнул Стружкин. – Иначе завтра же поутру загромыхаешь в Люк!» При слове «Люк» все замолчали, потом, правда, оч-

нулись и шарахнули по стакану. И тут языки, сами понима-ете... И услышал Куропёлкин, что мадам Звонкова на манер Клеопатры или царицы Тамары выдерживает ночь, а поутру мужика, пусть даже самого успешного в сексуальных упражнениях, раскачивают за руки, за ноги – и бух! – в Дарьяльское ущелье. У Звонковой ущелья нет, но есть какой-то загадочный Люк. Баба вроде бы невзрачная, а усадила себя в троны Клеопатры и Тамары. Сколько отважных испытателей, отночевав с ней, сгинули поутру в Люке! «Бежать, бежать тебе надо!» – шёпотом настаивал Стружкин. «Нет! – гордо произнёс Куропёлкин. – Раз дал согласие, флот позорить не могу!»

– Куропёлкин! Срочно к директору!

Начались объятия. И поцелуи. Недруги и конкуренты, растроганные подвигом Куропёлкина, будто бы он своей жертвой отвёл от них опасность быть отправленными в Люк, мокрыми щеками одобряли бывшего Старшего матроса, уходившего с камнями на ногах под воду. В подполье душ своих при этом они, как ни странно, завидовали Куропёлкину – ведь именно его выделила из них, супермужиков, золотая бочка. Что ни говори – а удар по их самолюбиям. Да и получив наслаждения первой ночью, Куропёлкин, глядишь, и выкрутится, не угодит в Люк, а ещё и получит призовые. Хотя и вряд ли. И не достоин он наслаждений и призовых! Лететь ему именно в Люк! Сам привязал камни к ногам!

И поручик Звягельский перекрестил Куропёлкина.

– Куропёлкин! Долго ещё ждать!

Представитель Звонковой Трескучий, худой и верткий мужчина лет сорока пяти, был сердит. Не умеют следить за ходом времени! Богема! Пуси-муси! Трескучий считался дворецким, домоправителем Нины Аркадьевны Звонковой. Несмотря на худобу и вёрткость, он производил впечатление лица властного и значительного и будто бы наделённого – по серьёзным причинам – государственными полномочиями. При некоторых движениях и проходах его ощущались выправка особого рода и вынужденные (а может быть, и проведённые в удовольствии) занятия строевой подготовкой. Фамилия Трескучий (иные полагали, что это прозвище) вызывала разнообразные толкования, не всегда для Трескучего выгодные, а то даже и обидные. Видимо, поэтому при последнем приобретении народом паспортов нового либерального (освобождённой России) образца Трескучий постарался в документах преобразовать себя в Трескучего-Морозова, что придало более определённый смысл его пребыванию на Земле, а главное – на службе. К тому же в Трескучем-Морозове было нечто боярское или княжеское (Скопин-Шуйский, Невзор-Тужила, Василий Тёмный и др.), нынче уважаемое. Впрочем, о том, что он ещё и Морозов, знали немногие.

– Время терять не будем! – сурово заявил Трескучий. – Ты, Куропёлкин, контракт подписал?

– Нет, – сказал Куропёлкин.

– Это как же? – удивился Трескучий и взглянул на Верчунова.

Верчунов лишь развёл руками.

– Так! Садись! – распорядился Трескучий. – И подписывай! Вот бумаги! Ты читать-то умеешь?

– Умею! – буркнул Куропёлкин.

Перед ним лежали бумаги вполне государственно-казённого вида. Нина Аркадьевна Звонкова именовалась в них Работодательницей, а он, Куропёлкин, – подсобным рабочим.

– Какой я подсобный рабочий! – возмутился Куропёлкин. – Я – артист!

– Артист! Артист! – успокоил его Трескучий. – Все твои способности, добродетели и изъяны, как из библиотечных ям, так и физические, нами изучены и взвешены, однако в нашем штатном расписании нет должности артиста. Но взгляни на сумму.

Куропёлкин взглянул. Взглянул и Верчунов. И ошарашенный, осел на пол.

– Опять не в рублях! – возмутился Куропёлкин.

– И чем же евро с нолями хуже твоих рублей? – язвительно произнёс Трескучий.

– Тем хотя бы тем, что в Волокушке нет обменного пункта.

– При чём тут Волокушка? – спросил Трескучий.

– Дальше что написано? – указал Куропёлкин. – «В случае

неожиданного происшествия с подсобным рабочим К., сумма задатка немедленно направляется в посёлок Волокушка родным подсобного рабочего К.»...

– Именно немедленно! – заверил Трескучий. – Нина Аркадьевна – человек обязательный и щепетильный. А родичи твои смогут съездить обменять евро в Архангельск. Или в Брюссель.

– Это завтра же? – спросил Куропёлкин.

– Почему же завтра? – насторожился Трескучий.

– А после ночи приходит утро, и пожалуйста – в Люк!

– Что вы слушаете всякий бред! – возмутился Трескучий. – Смотри вот этот пункт. Действие контракта рассчитано на два года.

– На два года?! – сейчас же вскочил с пола Верчунов и глазами впился в бумаги на столе. И произошло с ним преобразование, будто его подняли с эшафота и отправили на два года в Сад Удовольствий.

– На два года? – спросил Верчунов.

– На два, – подтвердил Трескучий и подмигнул Верчунову (боковым зрением Куропёлкин заметил это и заметил, что подмигивание Трескучего вышло зловещим).

– Подписывай! – чуть ли не приказал Трескучий Куропёлкину.

– Раз ваша Нина Аркадьевна такая щепетильная и обязательная, – с вызовом заявил Куропёлкин, – подпишу.

И подписал в трёх местах. При этом делал это так важно

и тщательно, будто совершал историческое действие и признавал, что эдак оно и есть.

– Всё! – сказал Трескучий. – Едем!

Перед выходом к автомобилям Трескучий проверил нутро рюкзака (котомки) Куропёлкина.

– Так, – закончил осмотр Трескучий. – Допустимо. Штаны, тельняшка, две рубахи, трусы, майки, даже бритва электрическая, полотенце, три книги... Неужели книги покупаешь?

– И покупаю, – отвечал Куропёлкин. – Но эти библиотечные. Надо вернуть.

– Вернём, – сказал Трескучий.

– Через два года? – спросил Куропёлкин.

– Не дерзи! – рассердился Трескучий. – Не зачитаем! Времени нет на всякую ерунду!... Так, бельишко твоё проверим, нет ли вшей или клопов и их деток, прогладим, высушим. Может, завтра, чистое оно тебе пригодится... А на ночь получишь наш комплект из моих рук... Пошли!

К Куропёлкину подскочил Верчунов, обнял, зашептал на ухо:

– Не поминай лихом, Эжен! Держись! Покажи, каков ты мужик! Хотя бы две ночи продержись! Сбереги себя и нас, благодетель ты наш!

– Хватит сопли пускать! – брезгливо произнёс Трескучий.

У парадного, на ценность рож и кошельков чувствительного, входа к Прапорщикам и Грибным местам ожидали два

джи́па, естественнó, с коричневатými стеклами. У одного из них дышали воздухом юридической свободы два молодца из тех, что вминались в стену позади столика мадам Звонковой. Немедленно и ловко были открыты дверцы более важного автомобиля, не облагороженного, правда, мигалкой.

– Руки ему связывать, господин Трескучий? – было спрошено.

– Морозов! – с досадой произнёс Дворецкий, он же постельничий, кравчий, возможно, сокольничий и ещё кто-то.

– Извините... Господин Трескучий-Морозов. То есть снабдить ли его наручниками?

– Полагаю, он поведёт себя благоразумно. К тому же теперь он наш подсобный рабочий. Взят в аренду. Глаза ему завяжите понадежнее. И хватит.

Куропёлкина с маскарадными наглазниками, но без щелей для томных взоров, усадили на заднее сиденье, а господин Трескучий-Морозов, надо полагать, уселся к рулю.

И покати́ли.

Долго господин Трескучий не произносил ни слова. То есть, извините, – ни слова, обращённого к нему, бывшему артисту Куропёлкину. А так он матерился. И нередко. И видно, не одни лишь пробки поднимали горечь от жёлчного пузыря к свободным ёмкостям его совестливой души. Наконец его выговоры природе и безобразиям на асфальте стали затихать, а потом и вовсе прекратились, и Куропёлкин понял, что они выехали в разумно-пустые пока просторы Подмоскovie, предназначенные, правда, для будущих проявлений чиновничьих добродетелей. (А эти-то земли, может, и не предназначенные. Но Куропёлкину ли было думать об этом?)

В минуты (часы?) городских ползаний внедорожника Трескучего множество соображений толкалось в голове Куропёлкина, спорили друг с другом, дрались, прыгали с перекладины турника и вылетали из Куропёлкина пустыми и терявшими на лету решимость к поступкам и тем более подвигам. Некоторые из них имели такие смыслы: раз намеревались нацепить наручники и обезглавили его, значит, боялись, что он сможет взбунтоваться и сбежать. И тогда Люк мог бы оказаться необязателен. А госпожа Звонкова и дворецкий Трескучий испытали бы неприятности. Мысли о возможности отвратить неизбежность Люка взбодрили Куропёлкина. Но он тут же осадил себя и отменил бунт в автомобиле. Да и

толк-то какой вышел бы из его бунта или даже побега? Молодцы-сопроводители с удовольствием тут же развеяли бы его прах по соседним полям с навозом (ароматы доносились) своими гранатомётами.

– Ты, я понял, и впрямь благоразумен, – услышал Куропёлкин голос вовсе не трескучий, а металлический, и даже звонкий в передаче приятных дворецкому слов. – Поэтому напрягись принять со вниманием.

– Напрягся, – послушно вымолвил Куропёлкин.

– Так вот, ты отныне... – тут Трескучий запнулся, возможно, не захотел вводить и себя в заблуждение, нечто в его натуре вздрогнуло или он пожелал ужесточить порядок в отношениях с подсобным рабочим. – Ты сегодня вечером и ночью никакой не артист (Трескучий хмыкнул) Эжен Куропёлкин, а Баядера... – тут Трескучий явно растерялся, – то есть Шахерезада...

– Но это же бабы! – удивился Куропёлкин. – А я по контракту обязан исполнять ночные требования работодательницы Звонковой Нины Аркадьевны (в мыслях он уже согласился называть её – Нинон).

– О своих требованиях Нина Аркадьевна объявит тебе сама. Слово «баба» забудь. Какие-либо половые различия для тебя сегодня отменяются. Если будешь нарушать приличия, загремишь в Люк тут же. Не сможешь насладиться красками рассвета.

И дворецкий рассмеялся вовсе не звонко, а именно трес-

куче.

– Нет, но как же это быть Баядерой или Шахерезадой? – всё ещё не мог сдержать своё возмущение Куропёлкин. – Разве я похож на бабу?

– Ну, называй себя хоть этим... как его... Гаврошфуко! – расщедрился Трескучий. – Чем этот Гаврошфуко лучше Шахерезады? Да будь хоть Шахерезадом! Всё. Приехали.

13

И, верно, приехали, сообразил Куропёлкин. Тяжкие ворота закрипели, раздались чьи-то приветственные восклицания. Заднюю дверцу замершего джипа открыли, и чьи-то вежливые руки возвратили Куропёлкину зрение. Он увидел, что джип стоит в парадном дворе Барского дома (каким тот существовал в его представлениях).

– Отведите его к дворовым, – распорядился Трескучий.

Площадь въездного двора в поместье, с собственными Брандербургскими воротами и кордегардиями, скобой (подковой) окружала одноэтажная, как бы приёмно-дружелюбная постройка с колоннадой. Там и размещался корпус для дворовых. Ноги у Куропяткина затекли, шея болела, передвигался он медленно, но сопровождавшие его лица не гнали и даже не торопили его и довели до комнатушки, похожей на одиночную камеру, только что без параша.

– Удобства в коридоре, – просветили его.

Естественно, его обследовали цепкими и просвещёнными в своём промысле пальцами. Но эти заслуженные пальцы-доки не обнаружили при Куропёлкине целлофановый пакетик с песо из сейфа мироеда Верчунова (или не пожелали преждевременно обнаруживать).

Впрочем, что они понимали в секретах морских узлов! Им бы пиявок ловить в усадебном пруду под некогда (явно, и спорить нечего) насыпанным всхолмием (может, декоративным курганом). Шея у Куропёлкина при выгрузке из автомобиля поворачивалась с трудом, но пруд и курган он углядел.

А не там ли, на вершине кургана, возможно ещё заведённого варягом Рюриком с братанами-разбойниками в малиновых кожах Синеусом и Трувором, и находился Люк? (Куропёлкин, как и автор, не предполагали, что Синеус с Трувором

вскоре будут государственно отменены и признаны ошибкой летописца или невнятицей.)

«Завтра, при восхищении красками рассвета, – подумал Куропёлкин, – и узнаю...»

Отдав существенные, видимо, для процветания подмосковного гнезда Звонковой распоряжения, управляющий здешних мест Трескучий-Морозов посетил доставленного им Гаврошафуко.

– Ну как? – поинтересовался Трескучий. – Эта комната лишь для твоего дневного пребывания. Претензии есть?

– Нет! – буркнул Куропёлкин.

– Обедать и ужинать будешь в столовой для челяди.

– Нет аппетита, – сказал Куропёлкин. – И не будет.

И повернулся лицом к стене.

– Э-э! Не пойдёт! – рассмеялся Трескучий. – Ложкой и вилкой работать не будешь, введём питательный раствор. Исполнять ночные требования Нины Аркадьевны тебе придётся в бодром состоянии духа и памяти. И учти: после обеда камеристки Нины Аркадьевны отведут тебя к водным процедурам, отмоют всю твою бытовую и гимнастическую грязь, только тогда тебе выдадут специальное ночное бельё.

– Ладно, – приподнялся на локтях Куропёлкин. – Дайте мне хоть попить чего-нибудь...

– Это можно, – кивнул Трескучий. – Правда, алкоголь, а значит, и пиво тебе запрещены. Как и курево. А водичку,

это пожалуйста... Или, может, квас. Сейчас Евдокия принесёт...

Трескучий отбыл по делам, и в комнату тут же вошла дворовая девушка Евдокия с подносом в руках, заставив Куропёлкина опустить ноги на пол.

– Шоколадница! – воскликнул Куропёлкин.

И сам не понял сразу, почему воскликнул. Потом стал отыскивать причины своего восклицания. Должен сообщить, что Куропёлкин не только почитывал рекомендованные в библиотеках книги, но любил и рассматривать альбомы с картинками. А зрительную память имел хорошую. И ему при появлении здешней девушки с подносом вспомнилась «Шоколадница» швейцарского, что ли, художника Лиготара.

– И сам не знаю... – смутился Куропёлкин. – Можно, я буду называть вас Ладной?..

– Да как хотите! – сказала Ладна-Евдокия. – Думаю только, что случаев называть вам меня как-либо более не будет.

– Это отчего же? – спросил Куропёлкин.

– Я вижу, постель здесь не перестелили. Значит, завтра привезут нового отдыхающего. Господину Трескучему постояльцы этой комнаты невыгодны. Иначе будут недовольны его работой.

– Так это – камера приговорённых к... к Люку, что ли? – спросил Куропёлкин.

– Я вам ничего не говорила. Вы сами сделали свой выбор.

Не хочу знать, ради каких выгод. Но мне отчего-то жалко вас. Зовут меня все же Евдокией. Дуней. Воду-то выпейте...

– Спасибо за заботу и сострадание, – пробормотал Куропёлкин.

Неожиданно для себя Куропёлкин задрых. Может, водичка Ладны и была предназначена для его успокоения. Или это было средство – на всякий случай – заранее утихомирить буяна. Вдруг возникли бы затруднения для доставки буяна к Люку. Смирным едоком Куропёлкин отобедал (без трубок с питательными растворами) в едальне для челяди. Приходили и садились за стол какие-то тихие белокудрые пейзане, напоминавшие Куропёлкину о крепостном художнике Венецианове, но при появлениях зверя Трескучего, со стеклом в руке и у сапога, их несмело-благонамеренные разговоры тут же прекращались. Куропёлкину был подан здоровенный кусок мяса с кровью и запахами костра. Куропёлкин возмечтал: вот бы сейчас стакан водки из рук Ладны и хоровое пение: «Девицы-красавицы, душеньки-подруженьки...»

Да, зрительная память Куропёлкина была отменная, но не фотографическая. И сытый Куропёлкин стал размышлять, отчего же дворовая девушка Евдокия напомнила ему о шоколаднице Лиотара. Если только подносом и фартуком, ну и ещё чем-то... Надо было рассмотреть её внимательнее (хотя зачем?). Но во время обеда и поедания Куропёлкиным мяса (со спаржей!) Дуня не появилась и о девицах-красавицах никто не спел...

После обеда Куропёлкину был определён полуденный от-

дых. Отдыхать позволили час, появились две камеристки госпожи Нины Аркадьевны и повели его к зданию водяных забав с русалками на фронтоне. Камеристки, возможно, были двойняшками, щекастые, с веснушками на скулах, на полных носах и даже на мочках ушей, смешливые. Одна из них, по имени Соня, по дороге к бассейнам и душам похохатывала и то и дело похлопывала Куропёлкина по заднице.

– Не балуй! – сердился Куропёлкин. Но не слишком строго.

Прежде всего его поставили под душ. Никогда Куропёлкин ничего не стеснялся на сцене «Прапорщиков в грибных местах», потому как был артист. А тут застеснялся. Девушки-камеристки вынуждены были остаться в купальниках, отчего-то со стразами в местах путешествий мужского естества, и принялись отскребать с его кожи нечто опасное или неприемлимое для госпожи Звонковой металлическими щётками, то и дело окунаемыми в чан с желтоватым раствором.

– Это не хлорка, – успокоила Куропёлкина камеристка Вера, – это снадобья с душистыми ароматами. Вы должны пахнуть Шахерезадой.

После струй душа, тоже вроде бы ароматных («Из рецептов Клеопатры», – просветили его), его отвели к жёсткому топчану, покрытому простынёй, и попросили улечься на живот для проведения массажа, дальнейшего профилактического осмотра и втирания благовоний. Руки девушек были сноровистые (видимо, учились у хороших профессионалов), сильные, но порой и нежные. Ну а Вера, похохатывая, умудрилась пощекотать Куропёлкину пятки, чему тот, естественно, не препятствовал. Он блаженствовал. Никакой Люк нигде не существовал.

– А теперь обследуем твои грешные места, – объявила Соня.

– Чего у меня нет, так это грешных мест, – заявил Куропёлкин.

А ведь, и вправду, не было.

– Давай, давай, поворачивайся на спину! – потребовала Соня.

И тут же отыскала грешный предмет. По её представлению. Ладонь её обхватила находку, и та распухла, расцвела, поднялась и раззадорилась.

– Ой! – вскричала Соня. – Да он же опасный!

Сама же ладонь свою не убирала, а сжимала её и продолжала ойкать.

И Вера подскочила к коллеге поглазеть и поучаствовать.

А Куропёлкина сейчас же прожгло желание. И догадка некая явилась к нему. Дерзко-авантюрная. У Екатерины Великой была доверенная дама, фрейлина-испытательница и подруга, Румянцева, что ли (Куропёлкин в последние годы всё же много читал, и часто – лишнее), так вот она опробовала свежих намеченных императрицей фаворитов и определяла, готовы ли они к употреблению. Не для этой ли цели были заведены камеристки Вера и Соня? Так что же тогда терять время? И похоже, что Вера с Соней были готовы к испытанию его резвости и способности к романтическим играм.

И руки Куропёлкина потянулись к бёдрам камеристок, одна – к Веринному, другая – к Сонинному...

Но тут явился Трескучий.

– Ну как тут наш Шахерезад? – спросил он.

– Обработка происходит в штатном режиме, – ответствовала камеристка Вера. – Остаётся облагородить тело клиента благовониями Береники.

– Это хорошо, – одобрил Трескучий. – Полагаю, что завтра будет приятно пахнуть в Мексиканском заливе или на Бермудах.

– Где? – удивилась камеристка Соня.

– Шутка! – рассмеялся Трескучий. – Я пошутил.

И Соня с Верой рассмеялись. Возможно, в штатном режиме.

А Куропёлкин подумал, что Мексиканский залив и Бермуды упомянуты Трескучим неспроста, и не для смешливых камеристок, а для него, бывшего артиста и подсобного рабочего, а зачем – неизвестно.

– Слово «благовоние» происходит от слова «вонь», – сказал Куропёлкин.

Ничего вроде бы особенного не сказал, вслух подумал (в последние годы его вдруг стали посещать досужие соображения о происхождении тех или иных слов), но Трескучий рассвирепел:

– Остряк! Дерзить продолжает! Воображает себя Гаврошем Фуко! Очень скоро узнаешь, что такое вонь и от кого

и от чего воняет! А вы, сударыни, ничего этакого дурного и опасного для Нины Аркадьевны в нём не обнаружили?

И произнося «сударыни», Трескучий свирепость не утерял, он будто бы хотел сейчас же услышать от камеристок нечто обличающее их клиента. «Нажил врага», – подумал Куропёлкин. Хотя что это меняло в нынешнем его состоянии?

– Ничего такого не обнаружили, – твердо заверила Трескучего сударыня Вера. – Анализы его вы вручили нам сами. Они хорошие. Для его случая – безупречные.

Трескучий хотел было что-то произнести, но телефонным звонком был отозван в иные помещения.

Вера и Соня продолжили обработку и исследование возможностей Куропёлкина, надо полагать в штатном режиме. Через полчаса вернулся Трескучий, выслушал доклад камеристок и хмуро протянул Куропёлкину пакет со специальным ночным бельем.

К удивлению Куропёлкина, в пакете находились одни лишь трусы. Ничего специального Куропёлкин в них не углядел. При внимательном рассмотрении их он посчитал, что это обыкновенные футбольные трусы, синие с белой окантовкой и белыми вертикальными полосками, то есть напоминающие цвета спортивных клубов «Динамо» или «Зенит». (В случае с экипировкой «Зенита» Куропёлкин проявил в своих мыслях полную неосведомлённость и даже социальную безграмотность.) Не нашёл Куропёлкин в трусах ни карманчика, ни какой-либо иной полезной подробности. Станным был выбор жанра специального белья, и странной казалась привязанность назначившего его в дело к клубу «Динамо». Или даже «Зенита» (заблуждался). Впрочем, возможно, мысли Куропёлкина блуждали в тупиках, высланных опасной (в гололёд) для ног плиткой.

Но вдруг обыкновенные футбольные трусы (схожие с гимнастическими) имели специальные свойства? Ну, например, они были способны вызвать обострение чувств. Или напротив, могли заменить смирительную рубаху? Или же это протокольная деталь униформы для церемонии сброса в Люк?

«Всё очень скоро откроется, всё получит объяснение», — успокоил себя Куропёлкин. Смешно сказать, успокоил. Смешно и грустно.

Но всё же отчего «Динамо» или «Зенит»?..

Был ужин. С дымящимся куском мяса («Мужику необходимо...»). Было моментально-неожиданное выпадение в сон в знакомой уже комнатухе. Сильные руки подняли его из сна, и прозвучало: «Уже одиннадцать!». Куропёлкин вскочил и почувствовал, что он свеж и готов.

– Пошли! – предложили два пристенных (в «Грибных местах») молодца.

Пошли. По дороге сопровождающие Куропёлкина лица обращались друг к другу уважительно: «Сэр!».

– Вы, наверное, обожаете овсянку! – радостно высказался Куропёлкин.

– Так точно, сэр! – подтвердил один из сопровождающих. – Каждое утро по четыре порции!

И его ввели в опочивальню Нины Аркадьевны Звонковой.

Там он был передан сэрами постельничьему Трескучему, назвали его при этом Воеводой. («Ах, ну да! – сообразил Куропёлкин. – Трескучий-Морозов. Воевода обходит владенья свои...»).

Сама опочивальня Куропёлкина разочаровала. Ни цветочно-оранжерейных гирлянд, ни лепестков роз на полу (да и пол-то не паркетный, а из досок), ни дрожащих огоньков свечей на полу же. Ни бассейна с Бахчисарайским фонтаном. Где же проводить омовения? Метров сорок квадратных. А то и меньше.

Обстановка этих сорока метров Куропёлкина тоже удивила. Голые стены («вагонка»). Всяческие украшения, вещицы, соответствующие достатку хозяйки и её капризам, в опочивальне Звонковой отсутствовали. А мебелью были предметы чисто служебного назначения – столики, тумбочки, стулья, даже табуретки...

«Это я будто в армейской казарме оказался! – подумал Куропёлкин. – Да и женщина ли Купчиха Звонкова?»

И не создавалась ли опочивальня по указаниям и вкусам постельничего Трескучего? В иных местах бытования Нины Аркадьевны (Куропёлкин давно уже отменил и забыл манящее имя Нинон, что только прежде не могло прийти по ду-

рости в голову обнадёженного мечтателя?), так вот в этих иных местах наверняка имелись роскоши Версаля или хотя бы Екатерининского дворца в Царском Селе (опять вспомнил картинки в альбомах).

– Это вот твоя койка, – указал Трескучий. – Одеяло верблюжье.

Трескучий откинул одеяло, будто предъявляя Куропёлкину его достоинства, и Куропёлкин заметил на наволочке подушки инвентарный номер. Койка была будто госпитальная, только что не пахла лекарствами. Пододеяльником Куропёлкина не одарили. К чему Трескучему лишние траты?

– А это вот будуар Нины Аркадьевны, – с почтением произнёс Трескучий.

«Вся опочивальня и есть будуар, или часть будуара, а это альков», – чуть было не взялся просвещать постельничего Куропёлкин, но вспомнил о Люке и красках рассвета.

Альков в нише, с ситцевыми боковинами, с ситцевым же, надо полагать, пологом, перекинутым пока через бельевую веревку, мог послужить и ложем полковника, расположенным метрах в четырёх от койки денщика.

– Нина Аркадьевна может явиться с минуты на минуту, – объявил Трескучий. – Ещё раз напоминаю. Веди себя как цуцик на морозе. Не вздумай фамильярничать. А если уж начнёшь наглеть, разорвут в клочья. Всё, идут. Марш с головой под одеяло!

Дверь открылась, и вошли трое.

Существо в халате до лодыжек и накрученном на голове махровом полотенце и две девушки-камеристки – Вера и Соня.

Рослое существо в халате, линиями фигуры мало похожее на посетительницу «Прапорщиков в грибных местах», всё же, надо полагать, было хозяйкой опочивальни, но также могло прогуливаться вечерами и коридором коммунальной квартиры в Сретенских переулках.

– Всё нормально, господин Трескучий? – поинтересовалась Звонкова, голос её был низкий, но, несомненно, женский.

– Всё, – быстро ответил Трескучий.

– Все свободны, – сказала Звонкова. – Хотя погодите. А где наш гость?

– Под одеялом, – сообщил Трескучий. – Рекомендовано так лежать, чтобы не быть ослепленным.

– Товарищ, – сказала Звонкова. – Как вас именовать-то?

– Эжен, – прозвучало (промычало) из-под верблюжьего одеяла. – Эжен Куропёлкин.

– Эжен, – сказала Звонкова. – Да вы же задохнётесь. Откиньте одеяло. Никто и ничто вас не ослепит.

Для Куропёлкина в её словах почудились чуть ли не ласка,

даже забота о нём и приглашение к чему-то трогательно-сокровенному, и он откинул от лица одеяло.

– Да вы не шурьтесь, не опускайте веки, ничего дурного вы не увидите.

И ведь, верно, ничего дурного он не увидел.

– Так, – сказала Звонкова, – я сегодня чрезвычайно устала от дел. И вы (обращение к камеристкам) принимайтесь за свои хлопоты. Помимо прочего меня беспокоят две заусеницы.

Камеристки сейчас же пододвинули к одному из столиков табуреты и разложили на нём инструменты. Звонкова под села к ним и протянула пальцы. Заусеницы были удалены быстро, болей Нина Аркадьевна не испытала.

– Вот сейчас освежилась в бассейне, – сказала Звонкова (бассейн, видимо, был не тот, в котором обрабатывали и исследовали Куропёлкина, а иного разряда и «близкий», может где-то за стеной), и вашим массажем удовольствовались, а всё равно тело моё так устало носить днём нанобелье нашего лучшего портного и сарафаны его... И так ведь каждый день...

– Ваш юркий Шустрик – мошенник, – категорично заявила Вера. – И вам давно надо было отказаться от его нано-услуг.

– Ты не права, Вера, – мягко пожурела камеристку Звонкова, – он настоящий художник. Его ценят и в Париже, и в Милане.

– И в зимних окопах, – не удержалась Вера.

Куропёлкин будто бы занырнул на десятиметровую глубину (без акваланга) возле острова Русского и был невидим и неслышен. Даже пузырьки от него не восходили к прозрачной поверхности океана.

– Промассируйте мне ещё раз вмятины от белья Художника и расчешите мне волосы, – попросила Звонкова.

Чтобы исполнить просьбу барыни, Вере и Соне должно было смотать с её головы тюрбан из махрового полотенца и снять халат.

И теперь Нина Аркадьевна стояла обнажённой.

А по вспышке её глаз можно было предположить, что – и освобождённой от хлопот и вериг дня. «Я свободная и прекрасная женщина!» – будто бы сиянием исходило от неё.

Вот тут-то и произошло ослепление Куропёлкина.

Богиня! Жар-птица! А на лбу звезда горит! (Ну, это-то было бы лишним. Что хорошего, если бы на лбу прекрасной женщины горело что-либо, пусть и звезда? Тут в Куропёлкине пробудился пожарный.) А женщина стояла перед ним прекрасная. Неопикуемой красоты. Как было прочитано Куропёлкиным у писателя Ухваткина, лауреата Больших премий, принадлежавшего к направлению Доусши. Впрочем, Куропёлкин, не обожжённый до слепоты и пепла, мог бы кое-что и описать, если бы его спросили. Но никто не спросил.

По своим заботам Вера и Соня поворачивали Нину Аркадьевну, и Куропёлкин увидел всё, что мог и что хотел.

А увидел он, что Звонкова не такая уж пышнотелая, какой выглядела в «Грибных местах», при этом, естественно, совсем не костлявая. Но и не рыхлая. Пресс её (теперь к пожарнику Куропёлкину прибавился кандидат в мастера спорта по акробатике) был явно накачан, наверняка Нина Аркадьевна выгадывала время для напряжений на тренировочных снарядах. Да и низ живота её был хорош во всех его подробностях, и украшал его чудесный рыжевато (но не осенний) – русый лесок, приглашавший в свои грибные места (сейчас же Куропёлкин посчитал, что мысль его нехороша и унижает красоту). Какая женщина, какое тело! И плечи её не подпирали и не прямили каприз модельера Шустрика, они не были плечами замоскворецкой купчихи или капитана полиции а, свободно-покатые, вместе с изяществом шеи заявляли о тонкостях породы барыни Звонковой. Рядом с ней камеристки Вера и Соня выглядели именно дворовыми девками.

Какая женщина! Какое тело!

«Бесстыжая баба!» – воскликнул (про себя!) Куропёлкин.

Смотрит в зеркальце, радуется себе и будто не помнит о том, что в четырёх метрах от неё замер гость Эжен.

Да его просто нет, этого гостя Эжена. Тьфу! А стоит ли

стыдиться букашки какой-то!

И тут камеристки повернули Нину Аркадьевну к Куропёлкину спиной, предъявив (естественно, не думая об этом) арендованному артисту совершенство линий и форм бёдер, ягодиц и стройно-протяжённых ног их барыни. Эти линии и формы были для Куропёлкина важнейшими для его зрительских оценок красоты и, стало быть, для возникновения его чувств к той или иной женщине. Конечно, производили на него впечатление – и глаза женщины, и разные её выпуклости, и запахи, и походка, и особенности смеха (хохотушки часто попадались глуповатыми), но...

Красота стояла перед Куропёлкиным не мраморная (из альбомов), а живая, и Куропёлкин испугался за себя. Всё в нём могло (и должно было) сейчас вспылать, а уж предмет, признанный камеристкой Соней опасным, обязан был, забыв об угрозах Трескучего, повести себя воином, не побоявшимся окружившего его конного воинства враждебных обстоятельств. Но Куропёлкин ощутил, что никакой воин не встанет, а вместо него, теряя силы, шевелится какая-то мелкая и мерзкая гусеница... Вот тебе и специальные футбольные трусы. Но может, и не в них было дело...

– Ну, всё, Нина Аркадьевна, – сказала Соня, – спину и поясницу мы вам хорошо промазали снадобьями. Надеюсь, она не будет беспокоить вас ночью.

– Спасибо, милые, – сказала Звонкова. – А волосы?

Волосы её были с тщанием расчесаны и опали струями по

спине до бёдер.

– Вот, Нина Аркадьевна, ваш ночной напиток! – камеристка Вера протянула барыне бокал с тёмно-жёлтой жидкостью.

И тогда до Куропёлкина дошло, что Звонкова – ведьма.

– Все свободны, спасибо, – сказала Звонкова. – Все, конечно, кроме нашего гостя.

Девушки-камеристки чуть ли не выпорхнули из опочивальни, а Трескучий выходил явно без охоты, при этом быстро взглянул на «нашего гостя» с выражением: «Даю понять!», породив в Куропёлкине не только готовность к сопротивлению, но и ощущение бессилия.

Конечно, – она ведьма, возбуждался Куропёлкин, а её постельничий Трескучий – вампир. У того к ночи и клыки вытянулись и заострились. Звонкову намазали змеиными снадобьями, она шарахнула бокал неведомого зелья, сейчас она улетит в туманы, наверняка в нише алькова имеется щель к небесам, улетит к своим ночным блаженствам или к городским безобразиям, а вампир Трескучий примется за него, Куропёлкина. Вылакает кровь, а может, и прочие жидкости, а добрейшие девы Вера и Соня явятся тут же клювастыми птицами-грифами, сожрут падаль, останутся от него лишь кости, и никакой Люк не потребуется. А скорее всего здесь и нет никакого Люка. Но что ныть-то! Тебе показана «неописуемая красота» – плати! И всё же Куропёлкин на всякий случай снова прикрыл себя некогда рекомендованным средством от ядерного взрыва – простынёй, здесь – одеялом и перекрестился. Сейчас начнётся действие ведьмы, двух её по-

собниц и жестокого вампира, кому, видимо, для продолжения жизни свежая кровь необходима каждый день. Может, и ещё каких страшилищ призовут на помощь.

И сейчас же Куропёлкин слышал будто бы вздохи и стоны, а потом и радостный свист улетающего тела.

Улетела ведьма. Надолго ли? И с чем вернётся?

– Эжен, – услышал Куропёлкин. – Да что вы всё под одеялом прячетесь? Вам не мешает ночник?

Пришлось Куропёлкину снова откидывать с головы одеяло. Ночник на тумбочке у стены светил.

– Не мешает, – сказал Куропёлкин.

Вернулась? Или отлетело лишь её тело, а голос был оставлен в опочивальне для деловых (или ритуальных) нужд? Да и её ли прозвучал голос?

– Не мешает, – повторил Куропёлкин.

– А я вот без ночника спать не могу, – голос был всё же Звонковой, – с детства.

«Кошмары, что ли, совесть мучают?» – предположил Куропёлкин.

– И извините, пожалуйста, что я легла к вам спиной. Наиболее удобная для меня поза. Проблема с позвоночником, авария...

«Разжалобить хочет! – подумал Куропёлкин. – А потом, расслабленного, – бац! – и придавит. Да при этом какое-нибудь чудовище веки пудовые попросит ему приподнять» (это Куропёлкин видел в кино).

– Вам следует обратиться к травматологам из Инфизкультулы, – знатоком посоветовал Куропёлкин.

– К кому и куда я только не обращалась...

Ничего себе, сообразил Куропёлкин, обнаглел, принялся давать медицинские советы миллиардерше. Или смешнее того – рекомендовать ведьме травматологов Инфизкульта!

И Куропёлкин притих.

– Ради приличия, – заговорила Звонкова, – я могла бы поставить рядом с вами ширму. Но мне неприятны, даже и за полотняной стеной, чужие звуки, шуршание, возня, будто бы подготовка к зловредному действию. Надеюсь, вам понятны причины моего решения?

– Понятны, – сказал Куропёлкин.

– Ну и хорошо! Почему вы – Эжен?

– Я – Евгений. Евгений Макарович Куропёлкин.

– Евгений... Тоже имя – не самое красивое, – установила Звонкова. – Отчего же вы не хотите откликаться на Шахерезаду? Или хотя бы на Шехерезада?

«Что же тут плохого-то! – обиженно подумал Куропёлкин. – Имя моё, видите ли, некрасивое! Так зачем же брали в аренду-то!»

Сказал:

– Откликаются собаки. И кошки, эти-то не всегда. И при чём тут Шахерезада или Шехерезад?

– Сейчас я объясню, – сказала Звонкова.

И просветила Куропёлкина.

Её, Нину Аркадьевну, изводит бессонница. Таблетки и прочие химические изделия фармацевтов ей запрещены, они вообще вредны людям, а в случае с ней и втрое вредны. А с утра в делах она должна быть словно омытой живой водой из источников Камчатки. Пробовали и травы, и китайские отвары из ядовитых насекомых, ползучих гадов и костей уссурийских кошек, но все эти бесспорные средства не помогали, а только вызывали томление организма. Наконец, одна из знакомых светских дам, то ли с серьёзным сочувствием к здоровую Звонковой, то ли с издёвкой завистницы, посоветовала завести ей Шахерезаду, способную укачивать своей болтовнёй и доводить до глубоко-беспробудного сна. Звонкова плохо помнила о каком-то Бахтияре, преодолевшем бессонницу, и о болтливой красотке Шахерезаде, но мысль о том, что в её уединении, где была запрещена установка всяческих телефонов и каких-либо других средств коммуникации, будет валяться чужая женщина, её покорила. «Ну, тогда назначай на место Шахерезады, – тут завистница явно язвила, – какого-нибудь мужика. Мужики, они куда разнообразнее в приёмах победы над бессонницей. А не понравится ночью – утром вон его! И бери нового!» Концепция завистливой, но отважно-бывалой дамы была с энту-

зиязмом (так показалось) принята постельничим Трескучим и начала осуществляться со свободной тратой средств.

Естественно, о сути ситуации Куропёлкину было открыто решительно не всё, но он был человек сообразительный. К тому же ни единому слову мадам Звонковой можно было не верить.

– Со мной вы ошиблись, – всё же посчитал нужным сказать Куропёлкин.

– Почему же? – возразила Нина Аркадьевна. – Вас отби-
рали люди сведущие. И посчитали, что вы человек начитан-
ный.

– Начитанный?! – Куропёлкин чуть было не рассмеялся. – Я, в лучшем случае, человек нахватавшийся. Любил посе-
щать библиотеки. И библиотекарьш. И нахватался каких-то
сюжетных обрывков.

– Проверим, – сухо сказала Звонкова.

– Вам бы пригласить какого-нибудь доцента. Или профес-
сора. Обо всём бы вам рассказали.

– Призывали и таких, – сказала Звонкова. – Толку ника-
кого. От их учёных терминов приходила жуткая скука и да-
же тоска, насекомые дохли, и ни на секунду сна... Так что
пришла ваша очередь, нахватавшегося...

– Хорошо, – вздохнул Куропёлкин. – Попробую исполнить ваши ночные требования.

Ему хотелось спать, устал за день арендного состояния, пошло бы всё на... Вот именно!.. пошло бы всё подальше, Люк так Люк, но и перед Люком не лишним было бы выспаться.

– Вот что, Эжен Куропёлкин, – услышал он. – Против ваших зевот я ничего не имею. Хочу только предупредить. Вполне возможно, что вы сейчас возьмётесь пересказывать мне или «Графа Монте-Кристо», или «Робинзона Крузо», или «Трёх мушкетёров», или «Собаку Баскервилей». Так вот, многие этим начинали. И...

– И их тут же – в Люк! – продолжил Куропёлкин.

– В какой ещё Люк? – будто бы удивилась Звонкова.

– В обыкновенный, – резко сказал Куропёлкин.

– Не знаю никакого Люка! – заявила Звонкова. И было понятно, что она врёт.

– Между прочим, я вам про собаку Баскервилей такую историю рассказал бы, – расстроенно произнёс Куропёлкин, – что вы и во сне бы веселились и не захотели бы просыпаться.

– Хватит болтовни! – сказала Звонкова.

– Как прикажете! Вытягиваюсь по швам! – сказал Куропёлкин. – Вы читали роман Стига Ларссона «Девушка с татуировкой Дракона»?

– Не читала, – сказала Звонкова.

– Ну, как же! – возгордился Куропёлкин. Будто бы сам он читал роман Стига Ларссона. То есть он и вправду читал (принимался читать), но одолел всего лишь семьдесят страниц из здорового тома. Рекомендован роман был ему библиотекарьшей Безруковой Антониной, несомненно проявлявшей сугубый интерес к его атлетическим наворотам мышц, проступавшим, по мнению Антонины, и через вязаный свитер. Упомянутая выше зрительная память отложила в его голове совершенно ненужные ему сведения и оценки, какие можно было теперь сообщить Звонковой. Зазывные сведения эти на обложках книги крюками крупного шрифта цепляли внимание доверчивого покупателя. От Куропёлкина теперь Звонкова узнала, что роман издан в Европе миллионными тиражами, а автора романа признали гениальным.

Объявленная гениальность С. Ларссона слушательницу не взволновала, а вот слова о миллионах оказались для неё интересными.

– Миллионы, значит! – прошептала она возбужденно. – Так, так, так, продолжайте!

Легко сказать – «продолжайте»! При попытках продвигнуться в одолении романа Куропёлкин, в своей съёмной квартирке на Большой Переяславке, засыпал несколько раз и полагал, что и сейчас Нина Аркадьевна при пересказе сочинения Ларссона долго бодрствовать не сможет, а скоро задряхнет и даст выспаться до Люка ему, Куропёлкину.

– Что же вы замолчали? – сказала Звонкова. – Ларссон так Ларссон. Татуировка так татуировка. Валяйте!

– Хорошо, – пробормотал Куропёлкин. Сейчас же понял, что и те немногие страницы, которые он заставил себя прочитать, он забыл, или почти забыл, что Стиг Ларссон ему не поможет, а придётся сочинять нечто, не имеющее отношения к выбранной им книге, но хотя бы складное, и если враньё его пойдёт именно складно, то продолжит враньё. Всё равно никто завтра не станет сопоставлять его фантазии с подлинными историями книги. Да и спросить за это враньё будет уже не с кого.

Странно, но всё же кое-что из будто бы забытого стало вспоминаться Куропёлкину, и это его обнадежило...

– Так вот, дело там происходит в Швеции... – начал Куропёлкин.

Замершая дама будто бы шевельнулась.

– Ну, там шведская семья, – продолжил Куропёлкин, – это... да вы сами знаете лучше меня. Примечательно лишь, что в одной из таких семей существовал главный герой романа журналист Микаэль Блумквист. Два мужика и одна женщина. Люди порядочные, события в этой семье происходили как бы автономные. Но что-то я влип сейчас в семейные отношения. Не в них в книге суть. Существовал в Швеции, то есть в книге Ларссона, в начале тысячелетия мошенник и напёрсточник банкир Веннерстрём. Этот мошенник напридумывал всякие приёмы, чтобы облопошивать и своих шведских финансистов, и дураков из Восточной Европы, и заработал миллиарды крон. И вот тогда журналист Микаэль Блумквист...

– Погодите, погодите, – заговорила Звонкова, – стало быть, миллиарды, стало быть, миллиарды крон...

Сначала её (или её интерес к его болтовне) оживили слова о миллионах, теперь вот были упомянуты миллиарды.

– Эжен, и как же были добыты-то, по вашему мнению, из воздуха эти миллиарды? – спросила Звонкова.

– Если бы я чего понимал в деньгах... – искренне расстро-

ился Куропёлкин.

– Напрягитесь и вспомните, что написано Ларссоном об афёрах банкира Веннерстрёма.

Опять же, легко сказать – «вспомните».

И тут, к удивлению Куропёлкина, и не к удивлению даже, а чуть ли не ужасу его, из нашего рассказчика понеслись слова, неизвестно откуда взявшиеся и ему неподвластные. Полчас (ход времени Куропёлкин чувствовал без стрелок на циферблатах) арендованный подсобный рабочий излагал историю обогащения мошенника Веннерстрёма, будто бы сейчас книгу Ларссона держал перед собой, излагал со всеми финансовыми подробностями, суть которых он не понимал да и не держал их в голове. С чего бы вдруг текст шведа навалился на него и зазвучал, причём озвучены были и страницы, пропущенные при чтении Куропёлкиным по причине их занудства?

А мадам Звонкова слушала, Куропёлкин ощущал это, историю афёры Веннерстрёма чуть ли не с упоением. И когда Куропёлкин замолчал, она заключила:

– Были у него ходы остроумные. А так афёра – простенькая. Но может, простотой и наглостью он и брал... Так что же совершил журналист Микаэль Блумквист?

– Ага, – обрадовался Куропёлкин. – Микаэль Блумквист. Он, как я рассказывал, был третьим или первым в шведской семье. Женщиной в ней была Эльвира.

– Меня не интересует шведская семья, – резко сказала

Звонкова. – Так что предпринял журналист Блумквист?

– Ну, это уже скучно, – сказал Куропёлкин. – И ничего нового. Или неожиданного.

– Не вам оценивать ситуации! – осадила Звонкова Куропёлкина. – Излагайте, что было.

– Возвращаюсь на свой шесток, – помолчав, произнёс Куропёлкин. – Раз у нас тут изба-читальня.

Курупёлкин полагал, что дерзость его (хотя бы в голосе), по меньшей мере, вызовет раздражение хозяйки. Но нет, мадам Звонкова промолчала.

И понёс Курупёлкин всякую чушь (правда, с некими достоверными воспоминаниями о текстах романа) о том, как честный и независимый журналист Микаэль Блумквист выступил с разоблачениями мошенника Веннерстрёма, но судом был признан неправым в своих публикациях, оболгавшим добросовестного бизнесмена и приговорён не только к штрафу, но и к реальному, пусть и недолговременному, тюремному заключению. Тогда и прозвучала команда: «Ату!» той самой девушке с татуировкой дракона.

– Кто такая? – тихо спросила Звонкова.

– Ну как же! – опять будто бы удивился Курупёлкин. – Жуткая девица – сыщица, Саландер по фамилии, из детективного бюро... название забыл... способна на всё!

Курупёлкин был готов сейчас же продолжить нести увлекательную фантазию о девице Саландер, но Звонкова упредила его (и расстроила) полужевком:

– А где у неё была на теле татуировка?

– На лопатке, – вспомнил Курупёлкин.

– На какой?

«А ведь на левом плече Звонковой, – пришло в голову Ку-

ропёлкину, – что-то чернело, будто жук какой-то с длинными лапками, или нечто похожее...»

– На правой, – сказал Куропёлкин на всякий случай. – На правой лопатке.

– Ну и хорошо, – пробормотала Звонкова, зевнула сладко, и по её дыханию Куропёлкин понял, что она заснула.

Куропёлкин даже пожалел, что в его фантазиях более не нуждаются.

Но мысли его, освобождённые от необходимости возбуждать воображение, вернулись к земным реалиям, и Куропёлкин увидел, что одеяло сползло со Звонковой в глубину алькова, и ему снова открылась спина и задница женщины идеальных для него форм, и он понял, что спать ему не удастся.

«Бесстыжая баба! Ведьма! – чуть не вскричал Куропёлкин. – Ни о ком, кроме себя, не думает!»

Однако тут же ощутил, что в его специальных футбольных трусах никакая, даже самая мерзкая гусеница уже не шевелится и не дёргается. Так что же было злиться на Звонкову?

Ему бы застонать от тоски. Но он не застонал.

Открылась дверь, и в опочивальню вошел Трескучий. Вампир он или не вампир – было сейчас не важно. Проявлял он себя постельничим. Поправил одеяло на барыне, прикрыл её красоты, а проходя мимо Куропёлкина и, видимо, имея в виду его подпольные мысли, жестом римского императора опустил перед его носом к полу большой палец. Под полом, что ли, находился Люк?

Направленный в Люк императором, Куропёлкин повернулся на левый бок и попытался уберечь себя под одеялом. «Чёрти что! – сокрушался Куропёлкин. – Одноразовых ночных посетителей Клеопатры или Тамары Дарьяльской можно понять, а я-то во что вмазался?»

Дверь за постельничим Трескучим закрылась...

– Ежен! Или Евгений! – услышал он. – Вы, говорят, специалист по Ларошфуко.

Куропёлкин промышчал нечто. Мычание это можно было толковать по всякому. Хотя бы и так: да, я с Ларошфуко в корешах.

– Познакомьте меня, – просительницей прозвучала Звонкова, – с каким-либо высказыванием мыслителя.

«Ничего себе!» – ужаснулся Куропёлкин. И вдруг выпалил:

– Если острое шпаги затупилось или, хуже того, неожиданно обломано, следует ответить на выпад судьбы или на козни недоброжелателей острием разума или языка.

– Запишите!

– У меня нет ни бумаги, ни карандаша, – всё ещё чуть ли не дрожа от удивления, произнёс Куропёлкин.

– Хорошо, – сказала Звонкова. – Повторите. Я запомню.

Куропёлкин повторил. Запинался, заикался, но вроде бы повторил. Всё, что ли? Нет.

– Почему мыслитель вдруг вспомнил о шпаге? – поинтересовалась Звонкова.

– Ну, как же! – чуть ли не привстал Куропёлкин. – Он же был герцог! А какой же герцог ходил в семнадцатом веке без шпаги?

О Ларошфуко и его герцогстве Куропёлкин вычитал (неизвестно зачем, фамилия, что ли, заинтересовала) в каком-то справочнике, но ни единого высказывания герцога-мыслителя он не знал. Ему бы сейчас провалиться от стыда.

И он провалился в сон.

– Что-то вы заспались, сударь!

Кто-то прошелестел над Куропёлкиным. Не ангелы ли?
Куропёлкин разлепил веки.

Нет, не ангелы. Смешливые камеристки – Вера и Соня. И одеяло на нём верблужье. И лежит он вовсе не в райских кущах, а в опочивальне мадам Звонковой, то бишь – в её избе-читальне.

– А где Нина Аркадьевна? – испуганно произнёс Куропёлкин.

– Спыхватился! – рассмеялась камеристка Соня. – Нина Аркадьевна вот уж как три часа назад улетела по делам. Тебя разрешила не будить. Но валяться здесь тебе уже нельзя. Неприлично. Вот тебе твои джинсы, свитерок, майка, кроссовки. Специальное ночное бельё сдашь нам. А мы отведём тебя в знакомую тебе комнатуху...

– Одиночку, – поправил Куропёлкин.

И тут же чуть было не спросил: «А как же Люк?», но промолчал, не стал испытывать судьбу. Насчёт Люка объявят. Объявили же пока ему камеристки (уже в комнатухе-одиночке приговоренных к...) о том, что на завтрак он уже опоздал, но если он подъедет к горничной Дуняше и ублажит её словами, может и получит утренние калорийные угощения, необходимые ему для работы, а они, Вера с Соней, придут к

нему после обеда и поведут к водным процедурам, массажам и благовониям.

– Нет аппетита! – капризно заявил Куропёлкин. – На кой мне нужны ваши утренние угощения!

– Это уже проблемы горничной, – холодно сказала Вера. Однако при появлении в комнатухе горничной Ладны-Дуняши, шоколадницы Лиотара, аппетита в Куропёлкине возобновились. И были вознаграждены кашей геркулес и хорошо прожаренным цыплёнком табака.

– И что же, – сытым барином (сытым боцманом?) и уж точно сытым котом, – поинтересовался Куропёлкин, – у вас всем подают на завтрак цыпят табака?

И тут же вспомнил о своей птичьей фамилии.

Сказал мечтательно-скромно:

– К такому завтраку да кружку бы пива!

– Зазнался! Пива ему! Не возгордись! – сказала горничная. – Вижу, снабдить тебя свежим постельным бельём распорядиться господин Трескучий не пожелал.

Но вдруг она будто бы улыбнулась. То ли Куропёлкину. То ли чему-то, ему неведомому.

– Господин дворецкий ходит нынче злой, голодный и именно трескучий. Эко ты его допёк! К удовольствию многих! Но будь начеку! Он не простит тебе конфуза. Такой прокол в безупречной многолетней службе. Пусть и на одну ночь. А так как бельё в этой комнате не велено было менять, можно предположить, что нынешней ночью конфуз бу-

дет отомщён. Трескучий – господин изобретательный. А теперь ещё и голодный. Так что, держись. – И горничная Дуняша неожиданно для Куропёлкина ласково погладила его волосы и чмокнула его в щёку.

Уплывая в свои интересы, горничная Дуняша приложила палец к губам...

Господина Трескучего словно и не было в поместье. Во всяком случае, Куропёлкина он не инспектировал. И это Куропёлкина радовало. Встречи с Трескучим он не желал. Не только не желал, но и побаивался её. Но избежать её, понятно, было нельзя. Трескучий явился к нему, отобедавшему с челядью, в комнату-одиночку.

– Эй, Гаврош Фуко! Бездельничаешь! Получи депешу от моей хозяйки.

На листке бумаги было напечатано: «Евгений, срочно подготовьте свои соображения о том, брал ли взятки А.А. Каренин или не брал».

– Как это подготовить? – растерялся Куропёлкин.

– Как велено, так и подготовить, – скрипуче-трескуче произнёс дворецкий (воевода) Трескучий-Морозов.

– Мне для этого надо перечитать «Анну Каренину», – словно бы к небесам обратился с просьбой Куропёлкин. – Мне, господин Трескучий, надо бы хоть на час получить книгу Толстого...

– Ха! (Далее матерные слова.) Может, тебя хоть на час отвезти в Монте-Карло сыграть в казино и искупаться? – зловеще рассмеялся Трескучий. – Может, надо срочно завести курьеров-сорокоходов, чтобы они для тебя, недоучки, таскали книги из библиотек?

Куропёлкин был готов выступить с громким протестом и напомнить о том, что он по условиям контракта обязан исполнять ночные требования госпожи Звонковой, а администрация госпожи должна способствовать этому, но слово «недоучка» осадило его и отменило его протесты.

Кто же он, как не Недоучка! Недоучка и есть!

Причём наглый Недоучка! Бессовестный!

Куропёлкину стало стыдно.

Он решил. Если госпожа Звонкова соизволит посетить нынче опочивальню, а его приведут туда по необходимости, первым делом он должен будет извиниться перед женщиной,

не рассчитывая на проявления её милостей, за свою вчерашнюю авантюру. Вчера он был удивлён, а потом и доволен собой. Вот ведь как завернул! Теперь же помрачнел. Чему радоваться-то! Шарлатанить он не любил, перед женщинами в особенности. Что он знал о Ларошфуко? Только то, что тот жил в семнадцатом веке, был герцогом и что-то изрекал. И вдруг он взял и выпалил необъяснимую для него самого фразу, вызвавшую удовольствие госпожи Звонковой. Когда он, Куропёлкин, имел какую-либо шпагу? И уж тем более имел ли он какое-либо право мудрствовать по поводу острия разума и языка? Это он-то, недоучка! Если бы он высказался за купцов и солепромышленников Строгановых, современников Ларошфуко, он бы ещё мог найти себе оправдания – всё-таки был любопытен и внимателен в музее Сольвычегодска и кое-что о Строгановых помнил.

Но Ларошфуко...

Нет, пусть Звонкова рассвирепеет, распорядится отправить его в Люк или отдать ради утоления жажды дворецкому Трескучему, он не сможет сегодня же не объясниться с ней по поводу Ларошфуко и его шпаги. А то ведь случится с женщиной незаслуженный ею, возможно, и деловой провал.

После обеда (с обязательным стейком с костра), в ожидании объяснения с Ниной Аркадьевной, Куропёлкин ходил угрюмый и неожиданной нелюдимостью своей на водных процедурах огорчил (или даже обидел) как будто бы доброжелательных к нему камеристок Веру и Соню. Зазнал-

ся, что ли, от удачи? Таким было их предположение. На самом же деле, их обиды были вызваны не слишком горячими откликами Куропёлкина на их ласково-манящие старания во время массажей. Куропёлкин и сам был удивлён холоду собственных откликов. Неужели вручённые ему вчера специальные футбольные трусы оказывали на него воздействие и вне строгостей опочивальни? Так или иначе в половине одиннадцатого Куропёлкин был введён постельничим Трескучим в опочивальню с указанием занять своё место и укрыть морду одеялом.

Минут через пятнадцать камеристки сопроводили госпожу к ситцевому алькову.

Куропёлкин очень быстро сообразил, что госпожа Звонкова явилась к месту отдохновения не просто оживлённая, но и употребившая. Правда, в меру. Объяснения Нины Аркадьевны (камеристкам, но вышло, что и Трескучему) причин её весёлости вынудили Куропёлкина отказаться от разговора об изречении Ларошфуко.

Оказывается, это изречение привело вовсе не к провалу или конфузу, а, напротив, к деловой удаче. Среди прочих сегодняшних мероприятий мадам Звонковой был приём-встреча с виднейшими бизнесменами Франции в одной из резиденций Нины Аркадьевны, особняке, построенном Фёдором Шехтелем. Естественно, там присутствовали и наши успешные дельцы, и служебно одетые парижане, штатные люди из французского посольства. В увертюрных разговорах (велись они, конечно, в стилистике светской благопристойности и благоразумия) прозвучали колкости, взаимные неудовольствия партнёров или особ конкурирующих, в иной среде или в иных правилах приличия способные перейти в базарно-бабьи перепалки. Но здесь не перешли. И всё благодаря такту и остроумию, порой по справедливости и жёсткому, хозяйки делового собрания Нины Аркадьевны Звонко-

вой, миллиардерши. Достоянной героини журнала «Форбс».

В конце концов, всё кончилось хорошо. И политес был соблюден, и спорщики разулыбались, и наметились выгодные сделки, в частности, выгодные и для самой Нины Аркадьевны Звонковой. А когда её попросили высказать своё мнение о нынешнем вечере, Нина Аркадьевна, подняв бокал с шампанским, оценила добрыми словами своих гостей, сумевших разрешить недоразумения в обстановке разумного дружелюбия.

– Я вспомнила при этом, – сказала тогда Звонкова, – высказывание одного из великих просветителей Франции, Ларошфуко: «Если остриё шпаги затупилось или, хуже того, неожиданно обломано, следует ответить на выпад судьбы или на козни недоброжелателей остриём разума либо языка».

Сейчас же раздались аплодисменты. Звонкова извинилась перед публикой за то, что она прочла высказывание Ларошфуко на русском, французский ей известен, но у неё плохое произношение. Но вот советник... Один из советников Звонковой, мгимошный выпускник, артистично перевёл Ларошфуко с русского на французский, и тогда возникла чуть ли не овация. Как же вовремя остроумец Ларошфуко вынырнул из века семнадцатого и совпал с днём сегодняшним!

Пили благодушно и ели с аппетитом блюда, заказанные в двух ресторанах – «Савойе» и «Национале», но Звонковой создавал напряжение худенький француз, оказавшийся спе-

циалистом по Ларошфуко. Услышанное им сегодня суждение мыслителя было ему незнакомо, хотя текстами Ларошфуко он занимался лет десять, начав эти занятия в Сорбонне. В подлинности слов Ларошфуко, приведённых авторитетнейшей женщиной, известной как дока в точных науках, он не имел права сомневаться, но умолял сообщить ему источник их публикации или хотя бы их рукописного нахождения. («Это же сенсация! Она требует исследования!») Слава богу, смена гостей возле Звонковой то и дело отгоняла от неё надоедливого француза. Наконец догадливый мгимошный выпускник сообщил французу, что именно он случайно наткнулся на высказывание Ларошфуко в записках знаменитого графа Завадовского, но это было в его студенческие годы, и теперь он не знает, где эти записки.

И француз отстал на время.

Зато другой посольский француз, отпускаявший Звонковой комплименты, заверил её в том, что она за свои заслуги перед французской культурой и экономикой рано или поздно будет удостоена ордена Почётного Легиона.

– Всё было прекрасно, – сказала Звонкова, – но возбуждение проходит, надо укладываться.

И постельничий Трескучий был удалён из опочивальни.

Повторилась вчерашняя сцена с раздеванием богини (или ведьмы), с массажем озабоченной болями её спины и втиранием в эту прекрасную спину и не менее прекрасные ягодичцы (ягодные места) благовоний.

Теперь Куропёлкин был даже благодарен Трескучему, снабдившему его специальными футбольными трусами.

– Ну, – сказала госпожа Звонкова, улёгшись в ситцевом алькове в удобной для проблем её позвоночника позе, – продолжайте историю с журналистом Блумквистом и девушкой с татуировкой дракона на правой лопатке, как её...

– Саландер, – вспомнил Куропёлкин, – Лисбет... Лизой по-нашему...

Он замолчал, медлил, тянул время, всё ещё полагал, что теперь в отсутствии каких-либо иных слушателей Звонкова поинтересуется, откуда Куропёлкин откопал оказавшееся для неё столь полезным и своевременным изречение Ларошфуко. Нет, не поинтересовалась. Скорее всего, ей было довольно слов (и отпущенной ему теперь роли знатока предмета) находчивого мгимовского выпускника о каких-то записках графа Завадовского. А он, карманный и укрытый от

людей Куропёлкин, тут ни при чём.

«Ну, ладно! – подумал Куропёлкин. – Стало быть, можно ей врать дальше!»

И принялся врать. То есть фантазировать.

Чего он только не напридумывал про приключения журналиста Блумквиста и отчаянной девицы Лисбет Саландер! А также про интриги создателя и хозяина влиятельного детективного агентства Арановского (как раз он-то тонко направлял действия Лисбет Саландер). В ход пошла и шведская семья с центральной участницей журналисткой Эльвирой. И против шведской семьи слушательница сегодня не возражала. Выпадали из ночной истории Куропёлкина финансовые сюжеты, недоступные рассказчику, но и это Звонкову, похоже, не заботило.

«Да она, наверное, в своих мыслях, – расстроился Куропёлкин, – всё ещё пьёт шампанское, а может, и коньяк на приёме с французами. Так она и не заснёт».

А ему уже надоели все эти Блумквисты и Саландеры. А в особенности негодяй Веннерстрём. Да и воображение его устало.

И тут раздался храп. С присвистом. Тихий, деликатный, но храп. Куропёлкину неожиданно стало неловко за Звонкову. Богини, даже потерявшие конечности, храпеть не могли. Ведьмы же храпеть были обязаны, но, по мнению Куропёлкина, куда более громко, противно и нагло, гудками простуженного паровоза, например. Или воем падающего истреби-

теля. Со стонами и матерными словами в паузах.

Куропёлкин совестливо заёрзал под верблюжьим одеялом. Будто он-то именно и храпел. Впрочем, он, исполнив свои ночные обязательства, имел право теперь и захрапеть.

– Так что вы, Евгений, – услышал он, – думаете по поводу Каренина?

– То есть?

– Вам что, – удивилась Звонкова, – не передали днём моё задание?

– Передали.

– И что же, по вашему усмотрению, брал ли Каренин взятки или не брал?

– Я читал «Анну Каренину» лет семь назад, – сказал Куропёлкин, – ещё в Котласе. Чтобы иметь, как вы выразились, своё усмотрение, мне надо было перечитать или хотя перелистать роман, но, увы, такой возможности у меня не было...

Куропёлкин сразу же спохватился:

– Нет, я ни на что и ни на кого не жалуюсь. Просто о книге у меня осталось смутное представление...

– Ну, пусть смутное... Так брал или не брал?

– Не брал, – сказал Куропёлкин.

– Почему?

– А зачем ему брать? Он был государственный муж с убеждениями о пользе Отечеству. И не бедный.

– И всё?

– Нет. Прежде всего он был человеком с понятиями о че-

сти.

– А нынешние государственные мужи, – засмеялась Звонкова, – этих понятий не имеют, что ли?

– Не имеют, – сказал Куропёлкин.

– А олигархи?

– Не имеют. Зачем им понятия о чести?

– То есть и я живу, среди прочих, без понятий о чести?

– Теоретически да, – сказал Куропёлкин. – Но мне ваш случай пока не слишком ясен.

– Всё! – сказала Звонкова, и как будто бы сердито. – Спать!

Однако успокоиться не смогла:

– А вы, Евгений, имеете понятия о чести?

– Имею, – самонадеянно твердо, даже с вызовом произнёс Куропёлкин. Но тут же будто смутился: – Имел, по крайней мере...

Наступил третий день пребывания арендованного подсобного рабочего Куропёлкина в поместье госпожи Звонковой.

Что значит – «наступил»? Куда наступил? На кого наступил? Если только на злыдня Трескучего, дворецкого и постельничего... На свою шею (вампирию?) привёз он сюда из клуба «Прапорщики в грибных местах» очередного Шахерезада. Как всегда поутру хозяйка, Нина Аркадьевна, унеслась по делам в столицу (но может быть, и в столицу Поднебесной), а бездельнику Гаврошу Фуко позволила дрыхнуть (хорошо хоть не в своей опочивальне), и что уж самое унижительное для Трескучего-Морозова – было её распоряжение доставлять в поместье книги по требованиям Эжена Куропёлкина.

Пока госпожа Звонкова в отъезде и делах, а Куропёлкин именно валяется в безделье и скуке в своей комнатушке-одиночке, иногда, правда, напрягая мозги, а заказанную им книгу Толстого никто, похоже, не собирается доставлять, автор попытается объяснить возможному читателю, с чего бы вдруг Звонковой потребовалось знать, брал ли царский чиновник Каренин взятки или нет.

Но сразу и не объяснишь... С чего бы начать? Возьму, пожалуй, и начну с выпускного эпизода девушки (девочки ещё, пустые забавы с наглыми лапающими ровесниками, с

их мокрыми от портвейна губами не могли её отвлекать), да, девочки Нины Звонковой. Из всех тем противного её натуре сочинения она выбрала как будто бы наиболее допустимую – «Наташа Ростова как зеркало русской женской души». Кинофильмы она смотрела...

Но и эта тема оказалась для неё неподъёмной. Будто штанга в двести килограммов для хрупкого существа.

После трех часов (а может, и трёх столетий) хождения её мозгов по мукам (за эти часы могла бы исполнить дипломную работу на Мехмате при Воробьёвых горах) девочка Нина Звонкова изготовила зеркало русской женской души со странной (не всегда в кинотеатрах Нина была внимательна, отвлекали мысли о цифрах и технических загадках), да, с неожиданно странной историей главной героини выпускного сочинения.

Её Наташа Ростова по причине страстной любви к светскому шалопаю изменила мужу, её лишили родительских прав, бессердечные люди сидели в социальных службах и в райотделе по делам несовершеннолетних, светский шалопай загулял с другой, Наташа в отчаянии бросилась под паровоз... паровоз вызвал сомнение Звонковой, паровозов она не видала... стало быть, Наташа бросилась под трамвай возле кинотеатра Повторного фильма, там вроде бы трамваи когда-то ходили (росла Нина рядом с Никитской площадью)... теперь Звонковой не понравилось слово «бросилась»... нет, конечно, трамвай сам наехал на Наташу, несшую тяжёлые

сумки с картофелем, купленным на Палашёвском рынке, и чуть не зарезал... именно грузовой трамвай, перевозивший какие-то стулья, о чём на завтра появились заметки в газетах, прочитав их, старый муж расплакался и отпустил к Наташе их фактически беспризорного сына...

Геннадий Ильич, преподаватель литературы, с симпатией поглядывавший на красотку Звонкову (сама она считала себя уродиной), поулыбался печально: «Хорошо хоть напоследок Наташа не срослась у неё со знойной женщиной Грицацовой!», вздохнул и отправился переписывать сочинение.

Нина Звонкова, гордость и удивление школы, да и всего района, обязана была получить золотую медаль.

Естественно, ситуацию с сочинением Звонковой следовало обсудить на Педсовете. Без протокола и с соблюдением в дальнейшем обета молчания. Работа Звонковой читателей рассмешила, но их реакция была упрятана в тишину и выразилась лишь деликатными улыбками. Учёные люди посчитали, что и такая работа (тем более без грамматических ошибок) выпускнице простительна. Звонкова росла Принцессой Точных Наук, прославила школу победами на всевозможных конкурсах, олимпиадах, турнирах, порой мирового уровня, и этого было достаточно. А Мария Ионовна Гурьянова, историчка, даже произнесла похвальное слово сочинению Звонковой. Точные науки, по её мнению, как раз и помогли Звонковой, используя гротесковый приём и иносказания, дать вековой срез (или вековое зеркало) русской женской судьбы, её души и её доли, её пути, в обстоятельствах эпохи, из князей в грязи, из ампирного дворца и золоченых карет к сумкам с картошкой, к сыну-беспризорнику и грузовому трамваю, чуть её не зарезавшему. Учёные люди покивали Гурьяновой, но тихо пришли к выводу, что среди надзирающих над выпусками из школ найдется немало педантов и просто дураков, какие с мнением преподавательницы истории не согла-

сятся, а потому сочинение Звонковой надо переписать.

И Геннадию Ильичу, словеснику, было разрешено (поручено) сделать это...

В Принцессы Точных Наук Нину Звонкову произвёл её папаша Аркадий Платонович Звонков. Правда, не сразу. Вальяжный господин (тогда ещё товарищ) Аркадий Платонович не состоялся как оперный певец (бас-баритон), жил с долговременными досадами на не принявших его в Большой театр бездарей и завистников, но стал безукоризненным главным бухгалтером чулочной фабрики, своей находчивостью способствовавшим процветанию чулочников. И собственной семьи, естественно.

Однажды Аркадий Платонович увидел в руках дочери (третьеклассницы тогда) книжку, при этом глаза у Нины были влажными. Читала она какую-то английскую сентиментальную муть, может быть, слезливую историю Джейн Эйр писательницы Бронте. Аркадий Платонович отобрал у Нины книжку, произнес педагогические слова:

– Не вздумай и дальше брать в руки всякую ерунду! Не следуй рекомендациям матери, иначе вырастешь неудачницей! Не отвлекайся от главного, что есть в тебе. Ты, как никто, умеешь считать. И рассчитывать. Причём на редкость изобретательно. Запомни. Ты – Принцесса Точных Наук. В этом твоя суть.

– И что же, – заинтересовалась юная Звонкова, – если есть Точные Науки, значит, должны быть и Науки Неточные? За-

чем они-то нужны?

– Они и вовсе не нужны. Все гуманитарные якобы науки неточные, а потому ложные, – заявил Аркадий Платонович. – Гуманитарное образование ведёт в никуда. А вот эта дребедень с соплями (кивок в сторону сочинения Бронте) – одно из приложений к пустым изысканиям гуманитариев.

Вскоре многие книги из квартиры Звонковых были отправлены в ссылку на дачу, а позже и на даче Нина Звонкова их не обнаружила.

И это обстоятельство её никак не расстроило.

Дочь Аркадия Платоновича Звонкова неудачницей не выросла.

Напротив...

Автор, как и Евгений Макарович Куропёлкин, ни бельмеса не смыслит в финансовых делах, видел только в кинокадрах ажиотажные столпотворения на биржах с истерическими (победными или чуть ли не погибельными) выкриками-воплями молодых людей, ищущих выгод в столкновениях акций. Вот и всё. Ну, и читал я когда-то роман Драйзера, но ничего из него не помню. Стало быть, сюжет романа был мне не интересен. Да на какой хрен мне узнавать, кто и как прихватывает (или вдохновенно сотворяет, будто Шестую симфонию) свои миллиарды. Если они ему или ей нужны. И было мне не важно, откуда взялись миллиарды признанной некогда вундеркиндом Нины Аркадьевны Звонковой. И в журнале «Форбс» при её представлениях особых подробностей не приводилось. Ну, было известно об её успехах «в точных науках», в математике, физике, химии, в знании цветных и редкоземельных металлов, она кончила два уважаемых вуза, защитила кандидатскую, а ту признали докторской. О приватной жизни Нины Аркадьевны мало кто знал. Создавалось впечатление, будто бы всей жёлтой прессе и самым наглым папарацци упреждающе и удовлетворительно заплачено за

то, чтобы ни единая невыгодная для Звонковой строчка и уж тем более фотография на глаза публике не попадались. И светские проказницы, обозревающие в Глянцах дневные и ночные удовольствия сливок общества, поводов для ехидств над деловой женщиной Звонковой почти не имели. А поводы были. Их могли вызвать хотя бы наряды из мастерской Народного художника Федерации, юркого Шустрика. Но вокруг личности госпожи Звонковой словно бы возник энергетический забор с зонтом недоступности и неприкосновенности. А за этим забором порой происходило и нечто для обывателя неожиданное.

Скажем, случился в жизни Нины Аркадьевны срыв. Или загул. То ли надоела ей суета с необходимостью чуть ли не каждый день придумывать (и осуществлять) удивляющие партнёров и конкурентов (этих – загоняющие в тупик) бизнес-сюрпризы. То ли стала задрёмывать её деловая хватка. То ли выиграли в ней, наконец, гормоны. Взбунтовались и выиграли.

Был дурман. Были наваждения, чуть не сладостно-романтические. Это у неё-то, у Звонковой! Были три замужества, недолгие. Были любовники и любовницы (забавы с теми или пробы забав, – самое скучное, мода). В мужья попались один недотёпа (Бавыкин, первый) и два дельца охотничьей породы. Этот недотёпа, Бавыкин, даже увлек её феерическим, но сумасбродным проектом, возбудил в ней азарт игрока, хоть сейчас лети в Лас-Вегас или Атлантик-Сити, не полетела, всё

ещё поддерживала затею Бавыкина, но потом обиделась на него, ей в ту пору был нужен мужчина, а он утопал в своих сумасбродствах. И что теперь осталось от первого мужа? Если только Люк... Два последующих мужа были живчики и умельцы в постельных утехах, красавчики, но уж слишком быстро Звонкова ощутила и в том, и в другом оголодавшего лиса, притянутого к добычам запахами из курятника. Впрочем, их добычи, и немалые, по убеждению императора Веспасиана, запахов иметь были не должны. Вальяжный господин Аркадий Платонович Звонков, седой, но всё ещё значительный, с заведёнными недавно бакенбардами, тростью английского лорда вытолкнул добытчиков (имена их Звонкова постаралась забыть) из жизни Принцессы Точных Наук (теперь, возможно, Королевы?) и призвал её к делам.

Нина Аркадьевна к делам вернулась, но не сразу. А ещё покуролесила. Потом гормоны её успокоились (или насытились?), и успокоилась пропустившая веселия юных и молодых лет женщина Нина Аркадьевна Звонкова. И всё же можно было предположить, что где-то под бетонными плитами её натуры лишь утих (или замер на время) интерес к мужчинам и к мужскому телу. Потому, и поддавшись совету знакомой, искреннему или высказанному с кривой усмешкой, завести Шахерезаду, она решила приглашать в исполнители её ночных требований исключительно мужчин. Не хватало ещё глупых и назойливых баб в её опочивальне!

Так и существовала госпожа Звонкова, прибавляя к сво-

им миллиардам рубли и копейки, центы, юани и еврики. «Форбс» о ней не забывал, в политику она не лезла, помнила о дурных примерах, репутацию среди деловых людей и рыцарей власти имела самую благопристойную.

Всё было хорошо. Если бы не одно обстоятельство.

У влиятельных людей, с кем приходилось иметь Звонковой дела, были жёны, дочери, подруги и порхающие вокруг золотых клеток мухоловки-охотницы и пикирующие к тем же клеткам ястребики из инкубатора невест маэстро Либенштока.

То есть обыкновенные бабы. Одни – добравшиеся до высот жизни, до бриллиантов, яхт и вилл в Марбелье. Иные – те самые охотницы, но уже залетевшие в светские стаи. Третьи – сброшенные с высот жизни в серые мерзости среднего класса. Иначе – выгнанные мужьями, чаще с щедрыми вознаграждениями, конечно, если они не были уличены частными детективами в житейских грехах. Ради замены их на более юных блондинок из Соль-Илецка или Шумерли.

Так вот госпожа Звонкова, вынужденная, ради соблюдения неписаных правил, всё же посещать светские сборища, этих обыкновенных баб опасалась. Их сплетни, их злорадные словечки, вызванные завистью (они-то – при мужьях или на содержании, а она – при собственных миллиардах), их ночные нашептывания приличным людям не могли не вредить её делам. Но суть была и не в одних делах. Эти бабы или дамы как бы и не держали её за равных себе. Их разговоры в отсутствии серьёзных мужчин (но в присутствии нагловатых содержантов разного сорта) были как бы демонстрация-

ми культурной осведомлённости светских душек. Или «шту-чек», по классификации Салтыкова-Щедрина. Всё они (душки или «штучки») знали, всё читали, бывали на всех премьерах, с горячностью судили о достоинствах модных режиссёров Червякова или Балабасова, спорили по поводу бунта актёров Таганки, интересовались, надо ли читать новый роман Мураками (спрашивали об этом и у Звонковой, а потом многозначительно кривили губы), хихикали, рассказывая о «личной жизни» некоего тенора, самопровозгласившего себя Золотым голосом Евразии и Антарктиды, а какой у него золотой голос, в крайнем случае – фибралитовый; восхищались гастрольями приглашённых групп «Юрай Хип», «Ди Пёплз» и чувствительными (в шансонно-блатном с девичьими слезами маринаде) песнями какого-то Стаса... И всё это не выглядело выпендрёжем, а казалось естественным проявлением свойств и интересов женщин, достойно занявших место в элите. И хотя Звонкова знала цену себе и этой самой элите и её женщинам, она в их обществе, вопреки своим установлениям, ощущала комплекс неполноценности. И будто бы стеснялась саму себя. Слышала за спиной, да если и не слышала, то чувствовала. «Тюха-Матюха!», «Марфута без парашюта!», «Купчиха толстобрюхая!», «Ага! Её специально так одевают, чтобы обнаружилась её суть!». Обижаться на сливочных дам или расстраиваться из-за их чуть ли не безразличного отношения к ней было унижительно и глупо, но Звонкова и обижалась, и расстраивалась. Однажды в своей

опочивальне даже слёзы пустила по щекам. Решила: более в светской жизни не участвовать. Но тут же поняла: её «прогулы» породят ещё более обидные сплетни и ехидства.

И особо злорадничать станут шоссейные писательницы. Расцвела мода. Уже с десятков изгнанных из теремов заповедного шоссе жён навывпускали романы (сами сочинили или их белокуро-бледноликие негры) с историями бескорыстных любовей, а потом и незаслуженных страданий главных героинь. Книжки их имели спрос. И не только в больничных киосках. Эти писательницы были нынче в моде, и в вечерне-ночных кружвертях с шампанским и ликёрами (ну и с «Хеннеси») держались властителями дум. Иными ими и признавались. Естественно, они не могли не выразить своего отношения к низкопробной или низкопородной «нуворише» мадам Звонковой. Правда, выражали его осторожно, мало ли чего, всё-таки миллиарды были у неё, а не у них... Должен заметить, что Нина Аркадьевна излишне болезненно относилась к степени колкостей собеседниц, преувеличивала их и неоправданно терялась при разговорах любителей или даже знатоков искусств и литературы. Странно это было, странно... Вот и когда в умном, но пустом разговоре одна из светских дам попыталась узнать её мнение о Алексее Александровиче Каренине и о том, брал ли он взятки и допускал ли откаты, она первым делом посчитала, что тут явный подвох, подкоп под неё, и все ждут от неё сейчас неуклюжей нелепости, растерялась и стала что-то невнятно мямлить. Тут же

извинилась, мол, мысли её всё ещё не здесь, а на утренних не слишком удачных переговорах, такая у неё подневольная доля, такие хомуты и оглобли. То есть обострила в себе (осознала сразу) чувство неловкости и создала повод для новых ехидств. Взяла со стойки коктейль из крепких, пила глотками, а не цедила соломинкой, как того требовал этикет. Трудно вспоминала, кто такой Каренин, а когда вспомнила, стала вслушиваться в разговор о взятках, откатах и крупном царском сановнике. Разговор шёл без смешков и подковырок, а как будто бы с искренним интересом к нравам значительных людей девятнадцатого века, в пору реформ Александра Второго. Но уж история была тем более одной из самых неточных наук и никогда не способствовала предприятиям Нины Аркадьевны. Однако она вдруг испытала зависть к искренне спорящим. И её-то мнением интересовались, видимо, все-рьёз.

Но её мнение, высказанное впопыхах, могло лишь расстроить её саму, кстати, оно, вынужденное растерянностью и секундным смятением, оказалось бы наверняка несправедливым. И стало бы мешать ей жить дальше.

Но мысли об этом были перелётные. Посетили Звонкову и унеслись дальше по пути своего передвижения.

Осталась одна. Или две. Кто она, Звонкова, такая? И не надо ли покончить с Люком?

Впрочем, и эти две мысли держались в Звонковой недолго.

Вопрос о Каренине был задан Нине Аркадьевне ещё до привоза в зону её отдыха подсобного рабочего Куропёлкина и до её интеллектуального успеха на приёме деловых людей Франции.

Соображения о Люке рассыпались сразу. А что с ним делать-то? Засыпать его или взорвать нельзя. Если только возвести над ним стальной колпак. И укрыть от любопытных камуфляжной декорацией. Звонкова постановила с Люком не спешить, там само собой что-нибудь и определится... И в рутине дней забыла о Люке.

Звонковой бы забыть и о Каренине и его отношении к деньгам, а она не могла забыть.

Ей всё ещё казалось, что просьба собеседницы высказать мнение о Каренине была связана неизвестно каким образом, но связана с необходимостью её, Звонковой, самооценки и своей натуры, и собственной деловой практики.

С чего бы вдруг возникла такая необходимость, Звонкова объяснить себе не могла.

В небоскрёбе Звонковой на Вернадского в тесноте стеклянных квадратов и прямоугольников имелись справочно-вспомогательные службы. Одной из них, согласно про-

филю, было поручено (допускалось приглашение академических спецов) изготовить докладную о личности А.А. Каренина, о его нравственных и деловых установлениях. И в частности, исследовать ситуацию со взятками, брал ли их А.А. Каренин и на какие доходы (или хотя бы средства) он существовал.

Докладная, на взгляд Зонковой, вышла бестолковой. Бестолковой для её интереса. Личность сановника стала для неё понятной. Это ладно. А вот ответа на запрос о взятках она не получила. Никаких подсказок в тексте романа исследователи и аналитики (и их чуткие компьютеры) якобы не нашли. А один из нагловатых профессоров, из приглашённых с обещанием достойного гонорара от Зонковой, специалист по Достоевскому, одарил Зонкову советом: «Мадам! При ваших возможностях и ваших деньгах целесообразно было бы отправить в девятнадцатый век частных детективов с «жучками» и камерами наблюдения, они бы всё выяснили. Впрочем, и в девятнадцатом веке были отменные детективы. Могу снабдить вас адресом японского бесполого, а потому и неподкупного сыщика Ри Фандо, а также номером монастырской кельи бесполой же, но проникательной монашенки Пелагеи (не спутайте с певицей). Желаю удач в ваших изысканиях».

«Каков наглец! Каков издеватель! – взъярилась Зонкова. – Ни копейки ему гонорара!»

Но тут же решила отменить своё намерение. Издеватель

мог пустить в публику шуточки по поводу её скупости. Или мстительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.